

**СЫРЬЕВОЙ ГОРОД КАК СРЕДА ОБИТАНИЯ.
ВЕДОМСТВЕННАЯ СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА
В ГОРОДАХ И ЕЕ ПОСЛЕДСТВИЯ В 1950–1980-х гг.
(НА МАТЕРИАЛАХ г. ЧЕРЕМХОВО ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ)**

N.V. Gonina

**RAW MATERIALS CITY AS HABITAT. DEPARTMENTAL
SOCIAL POLICY IN CITIES AND ITS CONSEQUENCES
IN THE 1950S-1980S (BASED ON THE MATERIALS
OF THE CITY OF CHEREMKHOVO, IRKUTSK REGION)**

Цель исследования – выявление взаимосвязи между политическими, экономическими и социально-демографическими процессами на локальном уровне. Задачи исследования: характеристика и оценка ведущих факторов, формирующих и трансформирующих городскую среду сырьевого города, описание демографической динамики населения и анализ влияния социальной политики ведомства на условия жизни горожан. Методы исследования – хронологический, сравнительный, системный и демографический. Характерной чертой горнодобывающей промышленности было сохранение признаков ранней индустриализации. Другим фактором было централизованное управление. Третий фактор – сохранение частного сектора. Рассмотрим, как это отразилось на динамике населения Черемхово. Самым ярким показателем является постоянный отрицательный коэффициент миграционной активности. Пиковая ситуация приходится на 1970-е гг., когда соединяются снижение рождаемости и рост смертности, дополняемые высоким миграционным оттоком и ростом разводов. В 1984 г. наблюдается определенная стабилизация показателей, которая наиболее ярко выражена уравнением естественного прироста и миграционного оттока. Можно предположить, что сохранение части населения происходит благодаря нескольким градообразующим отраслям, а также в связи с сохранением традиционного уклада жизни. В случае сырьевых городов монопрофильность сказывается отрицательно, так как она не создавала условий для прогрессивного развития. В городской среде это отразилось в виде неблагоустроенности, так как все зависело от финансирования со стороны ведомства. Таким образом, демографические показатели чувствительны к политико-экономическим процессам. Поэтому проведение макроисторических исследований на локальном материале имеет особую ценность.

Ключевые слова: сырьевой город, население, Черемхово, угольная промышленность, ведомственность, городская среда, монопрофильность.

The purpose of the study was to identify the relationship between political, economic, and socio-demographic processes at local level. The research problems were the characteristic and raw materials city, the description of demographic dynamics of the population and the analysis of the influence of social policy of the department on living conditions of the citizens. The research methods were chronological, comparative, systematic, and demographic. A characteristic feature of the mining industry was the preservation of signs of early industrialization. Another factor was centralized management. The third factor was the preservation of the private sector. Let's look how it affected the dynamics of the population of Cheremkhovo. The most striking indicator is the constant negative coefficient of migration activity. The situation peaked in the 1970s, when the decline in the birth rate and an increase in mortality combined with a high migration outflow and the increase in divorces. In 1984, there was a certain stabilization of indicators, which was most clearly expressed by the equation of natural growth and migration outflow. It can be assumed that the preservation of a part of the population is due to several city-forming industries, as well as due to the preservation of traditional way of life. In the case of commodity cities monopropellant affects negatively, because they do not create the conditions for progressive development. In urban environment, it was reflected in the form of unsettled conditions, since everything depended on funding from the department. Thus, demographic indicators were sensitive to political and economic processes. Therefore, conducting macro-historical research on local material is of particular value.

Keywords: raw materials city, population, Cheremkhovo, coal industry, department, urban environment, monopropellant way.

Введение. Во второй половине XX в. основное внимание власти и общества было сосредоточено на молодых городах Сибири – новостройках, образцах социалистического образа жизни, концентрирующих молодежь, новые технологии, различные производственные и культурные достижения.

О старых и бедных городах, которые катастрофически теряли население, писать было не принято. И в этом плане они уступали даже деревне, несчастную судьбу которой воспевали литераторы и кинематографисты, а экономисты искали пути ее модернизации.

Тем не менее, в среде городов-новостроек, возникших в период урбанизационного подъема в 1960–1980-е гг., мы можем наблюдать возрождение тех черт городской жизни, которые хотелось бы оставить в прошлом. Например, районы неблагоустроенного жилья. Следовательно, возраст города не был сам по себе гарантией благоустройства и положительной социальной и демографической динамики. Нужно рассматривать другие факторы.

В рассматриваемый период (как, впрочем, и в другие годы) города не были свободными и самодостаточными образованиями. Как правило, они прочно зависели от источников финансирования и обеспечения рабочих мест. Поэтому главную роль играло так называемое градообразующее предприятие. Но констатация данного факта – это только начало разговора, так как принцип централизации и ведомственности был единым, а вот предприятия очень сильно отличались друг от друга как по руководству, составу кадров, финансированию, так и по социальной политике внутри организации. Возьмем в качестве объекта исследования города ведомств, работающих с природными ресурсами.

Цель исследования – выявление взаимосвязи между политическими, экономическими и социально-демографическими процессами на локальном уровне. В **задачи исследования** входят характеристика и оценка ведущих факторов, формирующих и трансформирующих городскую среду сырьевого города; описание демографической динамики населения и анализ влияния социальной политики ведомства на условия жизни горожан.

Методы исследования – хронологический, сравнительный, системный и демографический.

Как пишет Г.М. Лаппо, среди городов России около 160–170 сырьевых центров. По специализации сырьевые города распределяются так: города-шахтеры – 56 (новостроек – 32), в том числе малые – 38, средние – 15, большие – 8. Для угольных городов характерна конгломеративность: даже небольшой город-шахтер состоит обычно из нескольких поселков. Распространена монофункциональность [1].

Заметим, что раз есть большие города, значит отраслевая принадлежность не определяет однозначно стагнацию населения города. Конгломеративность характерна не только для поселений угольщиков, но и для многих сырьевых городов в целом, например города нефтяников или лесной промышленности. Монофункциональность также не является исключительной или обязательной чертой.

Рассмотрим ситуацию на примере центра угольной промышленности города Черемхово (статус города присвоен в 1917 г.). В 1954 г. город Черемхово представлял собой в силу специфических условий развития угольной промышленности старый город и примыкающие к нему 24 шахтовых и промышленных поселка, из которых 6 крупных. С запада на восток – 2, 3 или 4 км, с севера на юг город был протяжен на 17 км [2].

Очень важно то, что город находится на крупнейшей железной дороге – Транссибирской магистрали, т. е. мы не можем сказать, что его развитию мешала транспортная изоляция. Не менее важно, что производство здесь имеет исторический характер. Добыча угля была начата в 1896 г. Причем спрос на местный уголь постоянно рос и предприятие неоднократно проходило модернизацию (установка нового оборудования, переход от закрытого способа добычи к открытому). Таким образом, спада производства или снижения доходов здесь не наблюдалось. Кроме того, Черемхово не является в строгом смысле моногородом, так как здесь есть несколько заводов и фабрик, в том числе крупных [3].

Говоря о влиянии фактора производства, особенно существующего более 100 лет, важно отметить его характерные черты. Еще в XIX в., когда в Восточной Сибири формируются зоны добычи полезных ископаемых (в первую очередь это золотые и серебряные рудники, угольные шахты), для работы на них требовались неквалифицированные рабочие, желательны находящиеся не в ладах с законом, которых можно было подвергать высокой эксплуатации при низкой заработной плате. Литература по данной теме достаточно обширна и широко известна. Следствием были аварии, высокий травматизм и смертность от несчастных случаев на производстве, связанные с нарушениями технологии добычи, экономией материалов, нарушением правил техники безопасности. Формируемое такими условиями сообщество отвечало девиантным поведением, самым массовым проявлением которого были пьянство и низкая производительность труда.

Рабочие горнорудной промышленности сыграли немаловажную роль в событиях революции 1917 г. Советская власть нуждалась в угле для нового этапа индустриализации и давала обещания по улучшению условий труда и быта. Однако средств и специалистов не хватало, и отрасль сохранила технологическую отсталость, а среди рабочих по-прежнему преобладали низкоквалифицированные. Исключением становятся концессии 1920-х гг., в том числе знаменитая АИК Кузбасс.

В следующее десятилетие горнодобывающая и лесная промышленность получила в качестве бесплатной рабочей силы заключенных ГУЛАГА. Заметим, что после прекращения политики репрессий труд заключенных в данной отрасли продолжался. Поэтому сохраняется отношение к работникам, как к бесправным и не заслуживающим гуманного отношения. Кроме того, при наличии данной ситуации модернизация производства была малоэффективной. Таким образом, мы вернулись в ситуацию XIX в.

Итак, к началу 1950-х гг. характерной чертой горнодобывающей промышленности следует признать сохранение признаков ранней индустриализации. Компенсацией за тяжелый и опасный труд в 1950-е гг. стали относительно высокие зарплаты и социальное обеспечение, в том числе благоустроенное жилье, что на фоне труда в сельском хозяйстве или лесной промышленности, которая не допускала оседлости, делало работу шахтера привлекательной. Проводилась и модернизация произ-

водства. В то же время условия труда и быта были хуже, чем на новых предприятиях в молодых городах и региональных центрах.

Другим фактором, формирующим параметры городской среды, было централизованное управление. В 1950-е гг. угольная промышленность находилась на подъеме, и это напрямую отражалось в ее финансировании, что позволяло увеличивать зарплаты и направлять средства на строительство жилья и развитие социальной инфраструктуры. Интересно, что центр города Черемхово как будто возвращает нас назад в прошлое, так сильно влияние сталинской послевоенной застройки. А рядом, как бедные родственники, «хрущевки» 1950-х – начала 1960-х гг., находящиеся в плачевном состоянии. Это то, что осталось от периода расцвета города, когда население стремительно росло, а социальная политика была благоприятной. Но затем экономический курс сменился в пользу новых технологичных производств, развития электроэнергетики и нефтегазовой отрасли, финансирование и доходы угольщиков снизились. При этом ресурс дешевого труда заключенных также был исчерпан. Об этом достаточно подробно написано в монографии С.А. Баканова [4]. Ситуация в Восточной Сибири была похожей, хотя стоит отметить, что условия для отрасли были несколько более благоприятными, чем на Урале, в связи с более низкими темпами модернизации экономики региона. Ведомство угольной промышленности переходит в режим экономии и, как следствие, социальные расходы резко сокращаются. В первую очередь это сказалось на строительстве новых домов, больниц и детских учреждений.

Рассмотрим, как указанные процессы отразились на динамике населения Черемхово.

Таблица 1

Динамика численности населения г. Черемхово за 1954–1984 гг. [5]

Год	Количество населения на 1.01, тыс. чел.
1	2
1954	120,0
1956	124,0
1959	122,8
1960	122,8
1961	122,1
1962	119,0
1963	116,5
1964	115,7
1965	112,8
1966	110,5
1967	108,6
1968	106,6

Окончание табл. 1

1	2
1969	104,4
1970	98,6
1971	96,2
1972	94,0
1973	92,7
1974	90,7
1975	89,2
1976	88,0
1980	73,9
1981	74,6
1982	73,7
1983	73,2
1984	73,1

Итак, данные таблицы 1 показывают ежегодное снижение населения за исключением небольших подъемов в 1956 и 1981 гг. и итоговое сокращение населения за рассматриваемый период на 39 %. Рассмотрим ситуацию более подробно за 5-летние отрезки времени.

Таблица 2

Движение населения г. Черемхово 1960–1984 гг. [6]

Год	Коэф. рождаемости на 1000 чел.	Коэффициент				
		смертности на 1000 чел.	естеств. прироста	миграц. прироста	брачности	разводимости
1960	23,8	6,8	17,0	-19,8	11,3	1,1
1965	13,8	7,3	6,5	-6,9	6,4	1,3
1970	15,3	8,6	6,7	-26,1	7,8	1,7
1975	13,6	11,8	1,8	-18,9	9,6	2,2
1980	18,5	15,5	3,0	-11,9	9,1	2,4
1984	18,9	15,9	3,0	-3,8	6,9	1,9

Данные таблицы 2 показывают, что кратковременный подъем отрасли в 1950-е гг. и активная социальная политика ведомства отражались в притоке населения и, соответственно, высоком росте рождаемости, который вышел на уровень молодых городов. Однако затем следует резкий спад до низкого уровня, что соотносится со снижением брачности. С одной стороны, это отражение общих процессов по стране – демографическая яма после Второй мировой войны и сокращение числа браков и рождений под влиянием демографической модернизации. С дру-

гой стороны, относительная стабилизация рождаемости при постоянном росте смертности ведет к старению и сокращению населения. Об этом свидетельствует коэффициент естественного прироста, который снижается за рассматриваемый период почти в 6 раз.

Самым ярким показателем является коэффициент миграционной активности. Он все время отрицательный, и даже в период благополучного развития отрасли отток населения очень высок. Пиковая ситуация приходится на 1970-е гг., когда соединяются снижение рождаемости и рост смертности, дополняемые высоким миграционным оттоком и ростом разводов. В 1984 г. наблюдается определенная стабилизация показателей, которая наиболее ярко выражена уравнением естественного прироста и миграционного оттока.

Можно предположить, что сохранение определенной части населения происходит благодаря нескольким градообразующим отраслям, которые предоставляют рабочие места, а также в связи с сохранением традиционного уклада жизни.

Наличие большого «частного сектора» в старых городах, в том числе и в Черемхово, является третьим фактором, оказывающим влияние на условия жизни в городе. Эта проблема всех русских городов, о чем в свое время писал В.Л. Глазычев, в сырьевых городах выражена с особой силой [7]. И в 1950-х и в 1970-х гг. 50 % жилой площади Черемхово находилось в частном владении и располагалось в деревянных домах [8]. Наличие жилья в собственности не позволяло получить благоустроенную квартиру. Ограниченная в объемах и затянутая по срокам жилищная застройка формировала огромные очереди, сдаваемое жилье часто было некачественным, ремонт зданий практически не проводился, что делало получение разрешения на самострой привлекательным [9]. При этом эта ситуация характерна не только для Черемхово или городов Восточной Сибири. Специалисты, исследующие города угольщиков Западной Сибири, приводят похожие факты [10].

С другой стороны, люди не хотели или не могли расставаться с земельным участком и личным приусадебным хозяйством, которое для многих было средством самообеспечения и заработка. При этом, учитывая политику урбанизации, частный сектор обеспечивался только электричеством и водопроводом, все остальные элементы благоустройства предлагалось организовывать за свой счет. В итоге Черемхово, как и многие другие малые города, сохраняет полудеревенский облик и быт. В частности в 1960-е гг. 50 % территории города составляли огороды, сады, ягодники и картофельные поля [11]. Примером может быть и содержание скота (табл. 3).

Учет скота у горожан в личном владении (голов) [12]

Год	Количество семей (домохозяйств), державших скот	Всего скота	В т. ч. КРС
1957	5313	2506	2099
1965	2711	3182	2448
1970	2374	2374	1282
1975	1967	1596	645
1980	–	1190	–

Согласно данным таблицы 3, примерно каждая восьмая семья держала скот, причем преобладал крупный рогатый скот. Затем в 1960-х гг. четко прослеживается урбанизационный переход, когда количество таких хозяйств сокращается вдвое, но при этом количество КРС даже возрастает. В 1970-е гг. на каждое хозяйство приходится одно животное и КРС уступает мелкому скоту, преимущественно свиньям. Например, перепись скота показала что за 1969–1970 гг. его число в хозяйствах рабочих и служащих выросло на 19,8 %, в том числе коров – на 6,9; свиней – на 116 % [13]. В частности, это было реакцией на рост цен на мясо, но так или иначе разведение скота в городе продолжается и в 1980-х гг.

Для городской среды, в отличие от сельской, все было не так просто. Наличие частного сектора с неорганизованным коммунальным хозяйством приводило к появлению стихийных помоек и скотомогильников, вывозу биологических отходов в овраги и небольшие реки, и, как следствие, к загрязнению питьевой воды.

Ведомственная принадлежность или, как сейчас принято говорить, монопрофильность города как явление в целом не всегда однозначно негативно сказывается на развитии города. Для северных городов и ЗАТО она явилась положительным фактором, так как выразилась в ярком патернализме и его фокусировке на благоустройстве и социальной защите. Но в случае сырьевых городов монопрофильность сказывалась отрицательно, так как не создавала условий для прогрессивного развития, по сути – нерационально расходовала человеческий потенциал. Таким образом, складывается полное противоречие известному тезису Ф. Броделя, что город – это прежде всего широкие возможности самореализации индивида [14]. Заметим, что все же возможности для самореализации были – это политическая карьера, спорт, художественная самодеятельность, натуральное хозяйство и деторождение. Однако они лежали вне сферы производства.

Производственный фактор, формирующий ситуацию, можно определить как технологическую отсталость. И хотя черемховские угли пользовались стабильным спросом и упадка отрасли не наблюдалось, все же она значительно уступала по капиталовложениям и доходам новым высокотехнологичным производствам. В городской среде это отразилось в виде неблагоустроенности, так как все развитие зависело от финанси-

вания со стороны ведомства. Горожане же чувствовали себя хозяевами на своем приусадебном участке, но не в городском пространстве, что не стимулировало общественную активность. В этом плане ситуация в Черемхово аналогична положению старопромышленных городов Урала, описанному С.А. Бакановым. Его методика демографической характеристики депрессивных городов (долговременная убыль населения более 5 %) подходит и Черемхово [15].

Выводы. Таким образом, демографические показатели чувствительны не только к общим биологическим и социальным процессам, но и к политико-экономическим. Просто отражение происходит не в долговременной, а в краткосрочной динамике и не в области воспроизводства, а в сфере выбора места жительства и сферы деятельности. Поэтому проведение макроисторических исследований на локальном материале имеет особую ценность.

Литература

1. *Лаппо Г.М.* Почему в XX веке в России создавались новые города. URL: geo.1sept.ru/article.php?id=200500603.
2. МКУ «Архив города Черемхово». Ф. 2. Оп. 1. Д. 67.
3. URL: http://www.mojgorod.ru/irkutsk_obl/cheremhovo/index.html.
4. *Баканов С.А.* Угольная промышленность Урала: жизненный цикл отрасли от зарождения до упадка: монография. Челябинск: Энциклопедия, 2012. С. 214–220.
5. МКУ «Архив города Черемхово». Ф. Р-5. Оп. 2. Д. 23. Л. 1; Д. 111а. Л. 1; Д. 111б. Л. 1; Д. 2. Л. 183; Д. 279. Л. 3; Д. 355. Л. 2; Ф. 2. Оп. 1. Д. 67; Ф. 2. Оп. 2. Д. 104а. Л. 2. Оп. 1. Д. 78а. Л. 3; Д. 279. Л. 3; Д. 354. Л. 9.
6. Рассчитано по МКУ «Архив города Черемхово». Ф.Р-5. Оп. 1. Д. 172. Л. 1–1 об., 6, 20, 21 об., 22; Оп. 2. Д. 23. Л. 12–12 об.; Д. 26. Л. 25; Д. 102. Л. 1–5 об.; Д. 183. Л. 2–6 об.; Д. 279. Л. 1–5; Д. 355. Л. 16–20 об.; Ф. 2. Оп. 1. Д. 78а. Л. 2–3.
7. *Глазычев В.Л.* Слободизация страны Гардарики. URL: www.glazychev.ru/books/slobodizatsia.htm.
8. Подсчитано по: МКУ «Архив города Черемхово». Ф.Р-5. Оп. 1. Д. 173. Л. 6, 23; Оп. 2. Д. 27. Л. 5; Д. 292, Л. 2.
9. МКУ «Архив города Черемхово». Ф.Р-5. Оп. 2. Д. 26. Л. 8–9, 11; Д. 101. Л. 3, 7–8.
10. *Кокорина Л.Б.* Социальные и медицинские проблемы городов Кузбасса в период 1945–1985 гг. // *Фундаментальные исследования.* 2004. № 6. С. 128–130.
11. МКУ «Архив города Черемхово». Ф.Р-5. Оп. 1. Д. 119. Л. 7; Оп. 2. Д. 103. Л. 3.
12. Подсчитано по: МКУ «Архив города Черемхово» Ф.Р-5. Оп. 1. Д. 135. Л. 1–2; Оп. 2. Д. 22. Л. 9, 43, 45; Оп. 2. Д. 96. Л. 32; Д. 101. Л. 2; Д. 186, Л. 24; Д. 285.
13. МКУ «Архив города Черемхово». Ф.Р-5. Оп. 2. Д. 10. Л. 1.

14. *Бродель Ф.* Материальная цивилизации, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Т. 1. Структуры повседневности: возможное и невозможное. М., 2007. С. 447.
15. *Баканов С.А.* Депрессивные города Урала в 1960–1980-е годы: анализ социально-экономических и демографических факторов. Челябинск: Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2005. С. 27.

Literatura

1. *Lappo G.M.* Pochemu v НКН veke v Rossii sozdavalis' novye goroda. URL: geo.1sept.ru/article.php?id=200500603.
2. MKU «Arhiv goroda Cheremhovo». F. 2. Op. 1. D. 67.
3. URL: http://www.mojgorod.ru/irkutsk_obl/cheremhovo/index.html.
4. *Bakanov S.A.* Ugol'naya promyshlennost' Urala: zhiznennyj cikl otrasli ot zarozhdeniya do upadka: monografiya. Chelyabinsk: Enciklopediya, 2012. S. 214–220.
5. MKU «Arhiv goroda ChErEmhovo». F. R-5. Op. 2. D. 23. L. 1; D. 111a. L. 1; D. 111b. L. 1; D. 2. L. 183; D. 279. L. 3; D. 355. L. 2; F. 2. Op. 1. D. 67; F. 2. Op. 2. D. 104a. L. 2. Op. 1. D. 78a. L. 3; D. 279. L. 3; D. 354. L. 9.
6. Rasschitano po MKU «Arhiv goroda Cheremhovo». F.R-5. Op. 1. D. 172. L. 1–1 ob., 6, 20, 21 ob., 22; Op. 2. D. 23. L. 12–12 ob.; D. 26. L. 25; D. 102. L. 1–5 ob.; D. 183. L. 2–6 ob.; D. 279. L. 1–5; D. 355. L. 16–20 ob.; F. 2. Op. 1. D. 78a. L. 2–3.
7. *Glazychev V.L.* Slobodizaciya strany Gardariki. URL: www.glazychev.ru/books/slobodizatsia.htm.
8. Podschitano po: MKU «Arhiv goroda Cheremhovo». F.R-5. Op. 1. D. 173. L. 6, 23; Op. 2. D. 27. L. 5; D. 292, L. 2.
9. MKU «Arhiv goroda Cheremhovo». F.R-5. Op. 2. D. 26. L. 8–9, 11; D. 101. L. 3, 7–8.
10. *Kokorina L.B.* Social'nye i medicinskie problemy gorodov Kuzbassa v period 1945–1985 gg. // Fundamental'nye issledovaniya. 2004. № 6. S. 128–130.
11. MKU «Arhiv goroda Cheremhovo». F.R-5. Op. 1. D. 119. L. 7; Op. 2. D. 103. L. 3.
12. Podschitano po: MKU «Arhiv goroda Cheremhovo» F.R-5. Op. 1. D. 135. L. 1–2; Op. 2. D. 22. L. 9, 43, 45; Op. 2. D. 96. L. 32; D. 101. L. 2; D. 186, L. 24; D. 285.
13. MKU «Arhiv goroda Cheremhovo». F.R-5. Op. 2. D. 10. L. 1.
14. *Brodell' F.* Material'naya civilizacii, ekonomika i kapitalizm, XV–XVIII vv. Т. 1. Структуры повседневности: возможное и невозможное. М., 2007. С. 447.
15. *Bakanov S.A.* Depressivnye goroda Urala v 1960–1980-е gody: analiza social'no-ekonomicheskikh i demograficheskikh faktorov. Chelyabinsk: Izd-vo Chelyab. gos. un-ta, 2005. S. 27.

